

Первая любовь — эпизод 16 из 25

Отец уже сидел переодетый, вымытый и свежий, возле матушкиного кресла и читал ей своим ровным и звучным голосом фельетон *Journal des Dbats*, но матушка слушала его без внимания и, увидавши меня, спросила, где я пропадал целый день, и прибавила, что не любит, когда таскаются бог знает где и бог знает с кем. Да я гулял один, хотел было я ответить, но посмотрел на отца и почему-то промолчал.

В течение следующих пяти, шести дней я почти не видел Зинаиды: она сказывалась больною, что не мешало, однако, обычным посетителям флигеля являться, как они выражались, на свое дежурство всем, кроме Майданова, который тотчас падал духом и скучал, как только не имел случая восторгаться. Беловзоров сидел угрюмо в углу, весь застегнутый и красный; на тонком лице графа Малевского постоянно бродила какая-то недобрая улыбка; он действительно впал в немилость у Зинаиды и с особенным старанием подслуживался старой княгине, ездил с ней в ямской карете к генерал-губернатору. Впрочем, это поездка оказалась неудачной, и Малевскому вышла даже неприятность: ему напомнили какую-то историю с какими-то путейскими офицерами и он должен был в объяснениях своих сказать, что был тогда неопытен. Лушин приезжал раза по два в день, но оставался недолго; я немножко боялся его после нашего последнего объяснения и в то же время чувствовал к нему искреннее влечение. Он однажды пошел гулять со мною по Нескучному саду, был очень добродушен и любезен, сообщал мне названия и свойства разных трав и цветов и вдруг, как говорится, ни к селу ни к городу, воскликнул, ударив себя по лбу: А я, дурак, думал, что она кокетка! Видно, жертвовать собою сладко для иных. Что вы хотите этим сказать? спросил я.

Вам я ничего не хочу сказать, отрывисто возразил Лушин.

Меня Зинаида избегала: мое появление я не мог этого не заметить производило на нее впечатление неприятное. Она невольно отворачивалась от меня... невольно; вот что было горько, вот что меня сокрушало! Но делать было нечего и я старался не попадаться ей на глаза и лишь издали ее подкарауливал, что не всегда мне удавалось. С ней по-прежнему происходило что-то непонятное; ее лицо стало другое, вся она другая стала. Особенно поразила меня происшедшая в ней перемена в один теплый, тихий вечер. Я сидел на низенькой скамеечке под широким кустом бузины; я любил это местечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты. Я сидел; над моей головой в потемневшей листве хлопотливо ворошилась маленькая птичка;

серая кошка, вытянув спину, осторожно кралась в сад, и первые жуки тяжело гудели в воздухе, еще прозрачном, хотя уже не светлом. Я сидел и смотрел на окно и ждал, не отворится ли оно: точно оно отворилось, и в нем появилась Зинаида. На ней было белое платье и сама она, ее лицо, плечи, руки были бледны до белизны. Она долго осталась неподвижной и долго глядела неподвижно и прямо из-под сдвинутых бровей. Я и не знал за ней такого взгляда. Потом она стиснула руки, крепко-крепко, поднесла их к губам, ко лбу и вдруг, раздернув пальцы, откинула волосы от ушей, встряхнула ими и, с какой-то решительностью кивнув сверху вниз головою, захлопнула окно. Дня три спустя она встретила меня в саду. Я хотел уклониться в сторону, но она сама меня остановила.

Дайте мне руку, сказала она мне с прежней лаской, мы давно с вами не болтали.

Я взглянул на нее: глаза ее тихо светились, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку.

Вы всё еще нездоровы? спросил я ее.

Нет, теперь всё прошло, отвечала она и сорвала небольшую красную розу. Я немножко устала, но и это пройдет.

И вы опять будете такая же, как прежде? спросил я.

Зинаида поднесла розу к лицу и мне показалось, как будто отблеск ярких лепестков упал ей на щеки.

Разве я изменилась? спросила она меня.

Да, изменились, ответил я вполголоса.

Я с вами была холодна я знаю, начала Зинаида, но вы не должны были обращать на это внимания... Я не могла иначе... Ну, да что об этом говорить! Вы не хотите, чтоб я любил вас, вот что! воскликнул я мрачно, с невольным порывом.

Нет, любите меня но не так, как прежде.

Как же?

Будемте друзьями вот как! Зинаида дала мне понюхать розу. Послушайте, ведь я гораздо старше вас я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой. А вы...

Я для вас ребенок, перебил я ее.

Ну да, ребенок, но милый, хороший, умный, которого я очень люблю. Знаете ли что? Я вас с нынешнего же дня жалую к себе в пажу; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться от своих господ. Вот вам знак вашего нового достоинства, прибавила она, вдевая розу в петлю моей курточки, знак нашей к вам милости.